

Алексей Шарыпов

Герой не нашего времени

Алексей Шарыпов

Герой не нашего времени

«Автор»

2026

Шарыпов А.

Герой не нашего времени / А. Шарыпов — «Автор», 2026

«Герой не нашего времени» — фанфик по «Капитанской дочке» с неожиданным поворотом. Что делать, если вы — филолог, работающий копирайтером, и ваша жизнь превратилась в бесконечный дедлайн? Сергей мечтал писать настоящие книги, но реальность подкинула ему сюжет покруче: однажды вечером он шагнул в заброшенный парк, а вышел в заснеженную степь XVIII века, прямо в объятия бурана и в компанию Петра Гринёва. Теперь он — «вольный человек» в Белогорской крепости, где всё идёт не по книге. Маша Миронова оказывается куда глубже, чем «капитанская дочка» из школьной программы, а Швабрин — не просто злодей, а харизматичный, умный и опасно обаятельный человек. Сергей втянут в любовный треугольник, где дружба с Гринёвым, ревность, дуэль и попытки изменить канон сплетаются в тугой узел. Но главный вопрос: можно ли переписать классику, если ты — всего лишь случайный гость из будущего? И какую цену придётся заплатить за право любить ту, что по всем законам литературы должна принадлежать другому?

© Шарыпов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алексей Шарыпов

Герой не нашего времени

1

Сергей вышел из офиса в половине седьмого, когда зимний вечер уже плотно накрыл город. День прошёл, как проходили все его дни в рекламном агентстве «Медиа-Вектор»: бесконечные правки, согласования, летучки, планёрки и снова правки. Клиент, заказавший серию постов для соцсетей сети шиномонтажей, в пятый раз менял концепцию, и к вечеру голова Сергея гудела так, будто в ней поселился пчелиный рой.

Он работал копирайтером — придумывал тексты, слоганы, продающие заголовки. Когда-то, пять лет назад, окончив филологический факультет с красным дипломом, он мечтал писать прозу. Настоящую, живую, о людях и смыслах. Преподаватели хвалили его стиль, сокурсники пророчили литературное будущее. Но реальность, как водится, внесла коррективы: проза не кормила, а жизнь требовала ежемесячных платежей. Так Сергей оказался в рекламе.

Сначала он убеждал себя, что это временно. Потом — что копирайтинг тоже своего рода литература, только прикладная. Теперь, в двадцать пять лет, он уже не обманывался. Работа была нудной, выматывающей и, по большому счёту, бессмысленной. Он продавал людям то, что им не нужно, словами, в которые сам не верил. И с каждым днём внутри росла пустота — глухая, тягучая, как зимние сумерки.

Сергей шёл пешком, предпочитая пройти несколько кварталов, чем трястись в переполненной маршрутке. Свежий холодный воздух после душного офиса казался почти упоительным. Он опьянял чистотой, выветривал из головы обрывки рабочих чатов и бесконечные «дедлайны». Сергей шагал не торопясь, наслаждаясь редкой тишиной, и думал о том, что сегодня вечером, может быть, наконец сядет за свой роман. Тот самый, который начал два года назад и забросил после третьей главы. «Завтра, — привычно сказал он себе. — Сегодня устал, а завтра обязательно».

Пройдя примерно полпути, он всё-таки замёрз и решил срезать дорогу через старый парк. Обычно Сергей обходил его стороной: там частенько собирались компании подозрительного вида, раздавался лай бродячих собак. Сейчас он нерешительно смотрел на тёмное пятно зарослей, огороженных ржавым металлическим забором. Парк давно забросили, он хаотично зарос кустарником, и городские службы будто не замечали этот островок дикости посреди микрорайона. Уже порядком стемнело, из глубины доносились глухие крики, матерная брань, где-то истошно заливалась собака. Не самое уютное место.

Сергей хотел было повернуть обратно, но представил, что обходить парк вокруг — лишних полчаса на морозе, а дома ждал в холодильнике вчерашний ужин, в компьютере — пустой вордовский документ ... и одиночество. Он решительно шагнул в темноту.

Он старался идти быстро и как можно тише, но скрип снега под ногами выдавал каждый шаг. Узкая дорожка была завалена рыхлым снегом, под которым угадывались кучи мокрых листьев. Сергей уже миновал середину парка и начал потихоньку радоваться, когда вдруг сбоку раздался сиплый голос:

— Эй, паря, стой-ка!

Сергей сделал вид, что не слышит, и ускорил шаг. Впереди развилка. На долю секунды он замешкался, выбирая путь.

— Да постой ты, не ходи туда! — голос звучал скорее просяще, чем угрожающе.

Сергей не собирался вступать в диалог с неизвестным гражданином. Он шагнул на правую тропинку. Сзади слышались быстрые шаги — алкаш тоже прибавил ходу.

— Стой, кому говорят, не ходи туда! — заорал мужик, смачно выругавшись и звучно харкнув.

Холодный ветер с ледяной крупой ударил прямо в лицо. Сергей почти побежал по аллее. Стало резко холоднее, словно температура упала на десяток градусов. Голос преследователя стих где-то позади. Сергей быстро оглянулся — ничего, кроме черноты. Впереди тоже не было видно ни зги, даже огни многоэтажек растворились в снежной мгле.

Он достал мобильник, чтобы включить фонарик, но телефон, убитый морозом, не подавал признаков жизни. «Вот чёрт!» — с тревогой подумал Сергей, с опаской вглядываясь вперёд.

Он двинулся дальше, выверяя каждый шаг, чтобы не провалиться в яму и не напороться на острые ветки. Ветер усиливался, но где-то далеко забрезжил просвет. «Наверное, конец парка, свет от домов», — решил Сергей и зашагал быстрее.

Холод сковал тело. Лицо горело, будто его тёрли наждачкой. Сергей мысленно обругал себя за то, что надел лёгкий пуховик вместо дублёнки. Ему казалось, он идёт уже целую вечность, а свет всё так же далеко, и темнота вокруг не рассеивается.

Внезапно заросли словно расступились. Сергей шагнул вперёд и оказался на большой заснеженной поляне. Она простиралась, насколько хватало глаз в сумеречном свете. Он замер, пытаясь понять, где находится. По всем подсчётам, парк давно должен был закончиться, а вокруг — городские кварталы. Но не было ни домов, ни фонарей.

Сергей обернулся. Аллея, из которой он вышел, исчезла. Позади была только белая пелена бурана и голые кусты, каких не могло быть в городе.

Холод становился невыносимым. Ветер свирепел, нёс хлопья сырого ледяного снега, залепляя глаза. Сергей упрямо пошёл вперёд, уже не чувствуя рук и ног. Вдруг он заметил впереди силуэт человека. Сначала ему показалось, что это тот самый алкаш из парка.

— Эй! — крикнул Сергей, но из горла вырвался лишь хрип.

Он сделал ещё несколько шагов и рухнул в снег. Краем угасающего сознания он увидел, как мужчина обернулся и пошёл к нему.

Сергей очнулся от того, что кто-то яростно растирал ему лицо жёсткими, обветренными, но удивительно тёплыми руками. Он с трудом разлепил глаза.

— Живой, что ли, ваше благородие? — с усмешкой проговорил мужик.

Перед Сергеем склонился чернобородый, худощавый, но широкоплечий человек. Глаза его сверкали добродушными огоньками, хотя лицо оставалось суровым. Сергей почувствовал, что лежит на чём-то толстом и меховом. Тулуп.

— Живой... А что случилось? Где я? — прохрипел Сергей, пытаясь приподняться.

— Мне самому интересно, откуда вы, сударь, взялись посреди степи в буран, да в одежке худой, — покачал головой бородач.

— Какой степи? Вы о чём?

Сергей сел и не поверил своим глазам. Вокруг, насколько хватало взгляда в серой мгле, расстилалась бескрайняя заснеженная равнина, изрезанная оврагами, кое-где бугрились голые холмы. Над головой висело чёрное небо, затянутое низкими тучами. Хлесткий ветер гнал колючую снежную крупу.

— Переждать надо буран, а то с дороги собьёмся, — сказал бородач, зябко кутаясь в тонкую суконную куртку какого-то старомодного покроя.

Сергей медленно поднялся на ноги, озираясь. Он лихорадочно искал глазами дорогу назад — ту аллею, из которой вышел минуту назад. Но её не было. Только степь.

— Эй, барин, вы чего удумали? — насторожился мужик, видя его растерянное лицо.

— Где дорога? Я пришёл оттуда! — Сергей махнул рукой в пустоту. — Там был парк!

— Какой ещё парк? Окстись, ваше благородие. Там степь на сорок вёрст, ни жилья, ни деревца.

Сергей почувствовал, как к горлу подступает паника. Он сорвался с места и побежал туда, где, как ему казалось, только что был выход из парка. Тулуп соскользнул с плеч и упал в снег.

— Стой, дурак! — заорал бородач. — Пропадёшь! Буран только начался!

Но Сергей не слушал. Он бежал, проваливаясь по щиколотку, вытянув руки вперёд, словно надеясь нащупать спасительные деревья. Внезапно нога зацепилась за что-то твёрдое под снегом. Он со всего маху растянулся на земле и сильно ударился головой. В глазах потемнело.

Сознание возвращалось медленно, будто Сергей всплывал из глубокого колодца. Сверху доносились голоса, тепло окутывало лицо.

— Здесь, ваше благородие! — раздался знакомый голос бородача.

— Что, брат, прозяб? — спросил кто-то молодой, звонкий.

— Да как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да вот этот мой нечаянный попутчик, дурная голова, обронил в степи, снегом унесло. Еле донёс его, замерзал уже.

Сергей осторожно приоткрыл глаза. Он лежал на дощатом настиле у жарко натопленной печи. Рядом на полатах сидел бородач, хитро улыбаясь в усы и поглядывая на собеседника.

— Ваше благородие, сделайте милость, прикажите поднести стакан вина. Чай, не наше казацкое питьё, — с укоризной попросил он, спрыгивая с полатей.

Раздались шаги, кто-то передал бородачу стакан, и тот же голос, будто узнав его, произнёс:

— Эхей, да опять ты в наших краях! Откуда Бог весть?

Бородач на секунду замешкался, глаза его лукаво блеснули. Он подмигнул и покачал головой:

— В огород летал, конопли клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?

Дальше они заговорили тише, почти шёпотом. Сергей, ничего не понимая, приподнялся на локте и обомлел.

Он находился в просторной бревенчатой избе. Посередине — большая печь, вдоль стен — двухъярусные нары. Сбоку что-то вроде барной стойки, за которой стоял, видимо, хозяин постоянного двора с бутылкой в руке. На табурете сидел молодой парень с горящими глазами и в дорогом платье, за его спиной стоял бородач, по-отечески поглядывавший на юношу. Все были одеты словно сошли с картин времён наполеоновских войн. Только на парне одежда была господская, а на остальных — простая, крестьянская.

Заметив, что Сергей очнулся, все обернулись к нему.

— Очнулся твой подопечный, — с улыбкой произнёс парень.

— Живой, чертяка, — усмехнулся бородач, хлопнув себя по колену. — В степь хотел дёру дать, только от кого и куда — непонятно!

— Как звать тебя, какого роду-звания? — с интересом спросил юноша.

Сергей сглотнул ком в горле. Мысли метались: «Это сон. Я ударился головой и брежу. Этого не может быть».

— Сергей я... горожанин свободный, — выдавил он первое, что пришло в голову.

— Из вольноотпущенников, что ли? — уточнил второй мужчина, в годах, стоявший за спиной юноши.

— Савельич, не лезь с расспросами, — остановил его парень. — Видишь, человек едва жив. Лучше вина ему поднеси.

Савельич проворчал что-то себе под нос, но послушно наполнил стакан и протянул Сергею.

— Извольте представиться, — юноша встал и слегка поклонился. — Гринёв Пётр Андреич, еду в Белогорскую крепость на службу.

2

Сергей взял стакан дрожащей рукой. Вино обожгло горло, но мысли не прояснило. Гринёв. Белогорская крепость. «Капитанская дочка». Пушкин. Он медленно опустил стакан на стол и перевёл взгляд на бородача. Тот стоял у печи и смотрел на Сергея с едва заметной, понижающей усмешкой. Чёрная борода, сверкающие глаза, повадки бывалого человека... Сергей вдруг похолодел сильнее, чем в степи.

— А вас как звать? — хрипло спросил он, глядя бородачу прямо в глаза.

Тот хмыкнул, погладил бороду и ответил уклончиво:

— Зовут меня Емелька, да только имя моё тебе, барин, пока ни к чему. Ты лучше скажи, как ты в наших краях очутился? Одежда на тебе чудная, и говоришь не по-нашему.

— Я... не знаю, — честно ответил Сергей. — Шёл через парк, а вышел сюда. Какой сейчас год?

Гринёв и Савельич переглянулись.

— Одна тысяча семьсот семьдесят третий, сударь, — ответил Пётр. — Вы, верно, сильно ушиблись, память отшибло?

— Да, наверное, — прошептал Сергей, отводя взгляд.

В висках стучало. 1773 год. До начала пугачёвского восстания оставались считанные месяцы. А человек, спасший его в буран, — это сам будущий самозванец. Вожак бунтовщиков. И он явно знает больше, чем говорит.

Бородач — Емельян — допил вино, поставил стакан на стол и, поклонившись, двинулся к выходу.

— Куда же вы, любезный? — окликнул его Гринёв. — На дворе буран, а вы в одном армяке! Оставайтесь, переночуете с нами.

— Благодарствую, барин, — Емельян обернулся, сверкнув глазами, — да только дела у меня. Прощайте.

Он уже взялся за дверную скобу, когда Сергей, повинувшись внезапному импульсу, тронул Гринёва за рукав.

— Пётр Андреич, — прошептал он, стараясь, чтобы бородач не услышал, — этот человек... он спас нам жизнь в степи. Без него мы бы замёрзли. Нельзя отпускать его в такой холод в худой одежде.

Гринёв нахмурился, но в глазах его мелькнуло понимание.

— Ты прав, — так же тихо ответил он. — Но что я могу? Денег у меня с собой немного, а он, видать, гордый — не возьмёт.

Сергей вспомнил страницы повести. Тулуп. Заячий тулуп, который Гринёв подарил Вожатому и который потом спасёт ему жизнь. Но в книге Пётр сделал это сам, по доброте душевной. А здесь... Ведь Емельян отдал свой тулуп Сергею, а тот его в буране прозевал по глупости... Все запуталось!

— У вас же есть тулуп, — наконец сказал Сергей. — Новый, заячий. Я видел, как Савельич его укладывал. Подарите ему. Это будет по-человечески. И поверьте, он этого не забудет.

Гринёв посмотрел на Сергея долгим, изучающим взглядом. Потом лицо его просветлело, и он решительно хлопнул ладонью по столу.

— А ведь верно! Савельич! — крикнул он. — Неси сюда тулуп, тот, что заячий, новый!

— Как это — тулуп? — всполошился старый слуга. — Да он же пятнадцать рублей стоит! А вы его первому встречному...

— Савельич! — строго повторил Гринёв, и в его юном голосе прорезалась неожиданная твёрдость. — Я сказал: неси.

Старик, ворча и качая головой, поплёлся к кибитке и вернулся с пушистым, пахнущим овчиной тулупом. Гринёв взял его и шагнул к Емельяну, который наблюдал эту сцену с непроницаемым лицом.

— Возьми, брат, — сказал Пётр, протягивая тулуп. — Носи на здоровье. Негоже человеку, который спас нас от гибели, мёрзнуть в степи.

Емельян медленно принял подарок, провёл ладонью по меху, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на удивление. Он перевёл взгляд на Сергея, сидевшего у печи, и едва заметно кивнул ему — словно понял, чья это была мысль.

— Спасибо, ваше благородие, — произнёс он с неожиданной теплотой. — Век не забуду вашей доброты. — И, помедлив, добавил, глядя уже на Сергея: — И твоей тоже, барин. Чую, мы ещё свидимся.

Он накинул тулуп, надвинул шапку и вышел в воющую темноту. Дверь хлопнула, впуслав облако морозного пара.

Гринёв вернулся к столу и сел напротив Сергея. В его глазах читалось искреннее уважение.

— А ты, я смотрю, не только грамотный, но и мудрый, — сказал он. — Мне бы и в голову не пришло тулуп дарить, а ведь верно подметил: человек нас спас, а мы его отпустили бы в одном армяке. Спасибо, что надоумил.

Сергей слабо улыбнулся.

— Пустяки, Пётр Андреич. Просто я привык замечать то, что другие упускают.

— Ну, раз ты такой глазастый да разумный, — Гринёв оживился, — может, составишь нам компанию до крепости? Мне как раз толковый помощник нужен, а то дядька Савельич уже не такой прыткий! Много платить не могу, но и не обижу, а харчи и квартира, чай, казённые.

Сергей перевёл взгляд на дверь, за которой скрылся Емельян, потом на юного офицера, смотревшего на него с надеждой. Он понимал, что пути назад, в XXI век, у него пока нет. А значит, надо держаться тех, кто станет частью этой истории.

— Хорошо, — сказал он. — Я поеду с вами.

Гринёв просиял и крепко пожал ему руку.

— Вот и славно! Савельич, налей-ка нам ещё по стакану — за нового товарища!

Савельич, всё это время молча стоявший у печи с поджатыми губами, наконец не выдержал.

— Товарища, — проворчал он, наливая вино с таким видом, будто делал величайшее одолжение. — Товарищей, Пётр Андреич, выбирать надобно с оглядкой. Мы этого человека первый день знаем, а вы уже в товарищи его записываете. А ну как он беглый? Или того хуже — подосланный?

— Савельич! — укоризненно воскликнул Гринёв. — Человек нас из беды выручил, совета доброго дал, а ты такое говоришь! Да и не похож он на беглого каторжанина — и одежда, хоть и чудная, но не воровское тряпье, видно же, человек пристойный!

— Совет-то советом, — не унимался старик, — да только тулуп заячий, новёхонький, пятнадцать целковых, — и был таков! А теперь ещё и кормить его, и везти... Денег-то у нас не сундук, батюшка ваш не для того их посылал, чтоб вы всякого встречного-поперечного в попутчики брали.

Сергей невольно улыбнулся. Ворчливый старик вызывал у него не раздражение, а скорее симпатию — было в его заботе что-то отеческое, хоть и облечённое в форму вечного недовольства.

— Не сердчайте, Архип Савельич, — сказал он примирительно. — Я человек простой, лишнего не съем, а в дороге, глядишь, и пригожусь. Грамоту разумею, здоровьем не обделен, могу и пером писать и топором махать!

Савельич подозрительно покосился на Сергея, но, видимо, что-то в его открытом лице смягчило старого слугу.

— Ну-ну, — буркнул он. — Посмотрим, какова ты птица. Только, чур, уговор: спать на печи не дам, там моё место. И вино чтоб без спросу не лакал!

Гринёв расхохотался, а Сергей, пряча улыбку, кивнул. Так началось его знакомство с Савельичем — верным дядькой, который ворчал на всех, но за Петра Андреича готов был отдать жизнь.

За окнами избы выл буран. Где-то далеко, в другом времени, остался парк, алкаш, кричавший «не ходи туда», и привычная жизнь офисного клерка. А здесь, в тёплой избе на краю степи, начиналось что-то совершенно иное. И Сергей, глядя на радостное лицо Петра, впервые за долгие часы почувствовал, что страх понемногу отступает.

3

До Белогорской крепости добирались ещё три дня. Сергей ехал в кибитке рядом с Савельичем, кутаясь в ворох каких-то обрывках меховых шкур, нашедшихся среди вещей запасливого дядьки. Его мучил вопрос: как вернуться обратно? Той аллеи, что привела его в этот мир, больше не существовало. Он пробовал расспрашивать Савельича о странных местах, где «земля двоится», но старик только крестился и советовал меньше пить вина на ночь, а Петр улыбался и качал головой. В простоте душевной он не пытался разобраться в тайне личности своего нового товарища, но мельком подумал, что тот не так прост и может быть благородных кровей в некоем изгнании.

Эти три дня Сергей имел возможность в полной мере оценить характер своих соседей по повозке. Их было двое — и они являли собой разительный контраст, словно две стороны одной медали.

Гринёв, юный и порывистый, то и дело высовывался из кибитки, чтобы разглядеть что-то в бескрайней степи: то стаю гусей, то далёкий дым костра, то просто облако причудливой формы. Он говорил много, с воодушевлением, перескакивая с одного предмета на другой, и в его речах детская непосредственность мешалась с офицерской бравадой. Сергей видел в нём то, что, вероятно, видел и Савельич, — неоперившегося птенца, который только учится летать, но уже мнит себя орлом. И в то же время в этом юноше чувствовалась такая искренняя, незамутнённая вера в людей и в своё предназначение, что Сергей невольно завидовал ему. Сам он в свои двадцать пять давно растерял эту веру — сначала в университете, потом в офисе, где каждый день приходилось продавать слова, в которые он не верил.

Савельич был полной противоположностью. Старый слуга ворчал непрерывно, как хорошо смазанный механизм, который невозможно остановить. Дорога была плоха — ворчал на ямщика. Снег забивался за ворот — ворчал на погоду. Гринёв просил остановиться размяться — ворчал, что барин непоседливый и простудится. А уж когда Пётр Андреич, засмотревшись на пролетающих гусей, едва не вывалился из кибитки, Савельич разразился целой речью о том, как «молодые господа не берегут ни здоровья, ни родительских наставлений, ни добра, нажитого честным трудом».

Сергей слушал его и поначалу раздражался, но постепенно начал понимать: в этом ворчании не было злобы. Оно было формой любви — такой же привычной и непрерывной, как тиканье часов в родительском доме. Савельич брюзжал, потому что беспокоился. Потому что Петруша был для него не просто барином, а почти сыном, которого он вырастил с пелёнок.

— И вот ещё этот, — Савельич кивнул на Сергея, — прости господи, попутчик. Сидит, молчит, глазами своими странными зыркает. Ты, парень, хоть скажи что-нибудь! А то едем как на похороны.

— А что говорить, Архип Савельич? — отозвался Сергей, уже научившийся не принимать ворчание старика близко к сердцу. — Дорога длинная, погода студёная, вы и так всё лучше меня расскажете.

Гринёв фыркнул, а Савельич, не зная, обидеться или принять как комплимент, замолчал на целых полчаса — что было личным рекордом.

К вечеру второго дня, когда остановились на ночлег в небольшой деревеньке, Савельич первым делом проверил, хорошо ли натоплена печь в избе, собственноручно перетряхнул сено на полатах и заставил Гринёва надеть сухие портянки, не слушая возражений.

— Маменька ваша, Пётр Андреич, мне строго-настрого наказывала: береги Петрушу пуще глаза, — приговаривал он, развешивая мокрую одежду у печи. — А вы и рады себя не беречь. То в буран поехали, то в снегу вывалялись... Сгубите вы мою седую голову.

Сергей наблюдал за этой сценой, сидя в углу на лавке, и думал о том, что в повести Савельич был не просто слугой, а почти членом семьи. И сейчас, глядя на его заботливую суету, он понимал почему. Этот старик, при всей своей ворчливости и кажущейся мелочности, обладал редким даром — даром безусловной преданности. Он не спрашивал, прав ли его барин, достоин ли он заботы. Он просто заботился. Потому что иначе не умел.

Гринёв, уже улёгшийся на полати, вдруг приподнялся на локте и спросил:

— Сергей, а у тебя... там, откуда ты родом, была семья?

Сергей помедлил с ответом. Он не хотел врать, но и рассказывать всю правду о XXI веке не мог.

— Была, — сказал он наконец. — Мать, отец. Обычная семья. Я уехал учиться, потом работа... Виделись редко. А теперь, — он запнулся, — теперь не знаю, увижу ли когда-нибудь снова.

В горнице повисла тишина. Савельич, возившийся у печи, замер на мгновение, но ничего не сказал. Только вздохнул как-то особенно тяжело и поправил сохнувшие портянки.

— Увидишь, — уверенно сказал Гринёв. — Бог даст, всё образуется. Ты только держись нас. Мы с Савельичем народ простой, но своих не бросаем.

— Это уж точно, — неожиданно подал голос старик. — Своих не бросаем. Хоть ты и странный, и молчун, и глаза у тебя, прости господи, как у сыча. Но раз Пётр Андреич тебя товарищем назвал — стало быть, так тому и быть. Только ты уж, сделай милость, не втягивай его ни в какие авантюры. С него и своих дуростей хватит.

Сергей невольно улыбнулся. В устах Савельича это звучало почти как признание в родстве.

— Постараюсь, Архип Савельич, — ответил он. — Постараюсь.

За окном выл ветер, в печи потрескивали дрова, а в избе, несмотря на тесноту и убогость обстановки, вдруг стало уютно. Сергей закрыл глаза и впервые за долгое время почувствовал что-то похожее на покой. Он был чужаком в этом мире, но здесь, в этой затерянной в степи деревеньке, рядом с юным офицером и ворчливым старым слугой, он почему-то чувствовал себя дома.

Крепость оказалась вовсе не крепостью, а небольшой деревушкой, обнесённой бревенчатым частоколом. Несколько покосившихся изб, деревянная церквушка, пыльный плац, где маршировали с дюжину выдавших виды пожилых вояк в мундирах не по размеру, — вот и всё грозное укрепление. Сергей, ожидавший увидеть нечто вроде бастионов из кинофильмов и массу бравых воинов, испытал настоящее разочарование. Именно сюда, в эту глушь, судьба забросила его из XXI века.

В доме коменданта их встретили радушно. Капитан Миронов, бодрый еще не старый мужчина в ночном колпаке и халате, командовал гарнизоном с таким же усердием, с каким его супруга, Василиса Егоровна, командовала самим капитаном. Она тут же принялась расспрашивать Гринёва, попутно раздавая указания служанке насчёт ужина и размещения гостей.

— А это что за молодец с тобой? — спросила Василиса Егоровна, кивнув в сторону Сергея, скромно стоявшего у двери.

— Сергей... — Гринёв замялся, не зная, как представить своего нечаянного попутчика. — Человек вольный, грамотный. В степи я его встретил, в буран. Помощником мне будет.

— Ну что ж, помощник так помощник, — добродушно кивнула комендантша. — Лишние руки в хозяйстве всегда пригодятся. Палашка! Отведи гостей в баню, да на стол накрывай!

Сергей поклонился и вместе с Гринёвым вышел во двор. И тут он увидел её.

У колодца стояла девушка лет 18 в простом ситцевом платье, с русой косой, перекинутой через плечо. Она набирала воду, и ведро, видимо, было слишком тяжёлым для её тонких рук. Сергей, не раздумывая, подошёл и молча подхватил ведро.

Девушка подняла глаза. Сергей замер. В огромных серых глазах плескалась такая чистая, незамутнённая печаль, что у него перехватило дыхание. Это была не та красота, что бросается в глаза яркостью, а тихая, внутренняя, которую нужно разглядеть.

— Благодарствую, — тихо проговорила она и, опустив взгляд, быстро пошла к дому.

Сергей стоял как вкопанный, провожая её взглядом. Челюсть его слегка отвисла, а в голове не было ни одной связной мысли — только образ серых глаз и русой косы, качнувшейся на прощание.

— Эге, брат, да ты никак остоленел! — раздался сбоку дребезжащий, но добродушный голос.

Сергей вздрогнул и обернулся. Рядом стоял невысокий пожилой офицер с седыми усами и выцветшими, но живыми глазами. Он был одет в старенький, но аккуратно заштопанный мундир и опирался на трость. Это был поручик Иван Игнатьич, правая рука капитана Миронова и старейший обитатель гарнизона.

— Загляделся, сердешный, — продолжал он, лукаво щурясь. — И немудрено. Марья Ивановна, дочка капитанская, всем хороша: и лицом, и нравом, и рукоделием. Только ты, парень, особо-то не заглядывайся. Она у нас невеста на выданье, женихи ейные — офицеры дворянские. А ты, слышал я, человек вольный, без чина. Так что гляди, но руками не трожь, мыслями нечистыми не марай!

Сергей сглотнул и кивнул, не в силах выдать ни слова. Иван Игнатьич похлопал его по плечу и, постукивая тростью, поковылял к плацу, где капитан Миронов уже начинал утренний разнос своим подопечным.

Гринёв, стоявший поодаль и наблюдавший эту сцену, хитро улыбнулся, но промолчал. А Сергей ещё долго стоял у колодца, чувствуя, как внутри что-то перевернулось. Он вспомнил, чем закончится эта история в оригинале. Гринёв и Маша будут вместе. А он, Сергей, — всего лишь случайный гость из другого времени. Но отчего же так тоскливо сжалось внутри?

4

Первые дни в Белогорской крепости тянулись медленно и однообразно, словно речная вода в засушливое лето. Сергей, привыкший к бешеному ритму XXI века — с его уведомлениями, дедлайнами и бесконечным потоком информации, — поначалу маялся от непривычной тишины. Здесь время измерялось не минутами и часами, а сменой караула, ударами церковного колокола да передвижением солнца над частоколом.

Гринёв быстро освоился и, казалось, даже находил удовольствие в этой размеренной жизни. По утрам он выходил на плац, где капитан Миронов муштровал свой гарнизон — зрелище одновременно комическое и трогательное. Старые солдаты, многие из которых помнили ещё турецкие походы, путали право и лево, роняли ружья и спотыкались на ровном месте. Иван Кузьмич, в неизменном колпаке и халате поверх мундира, командовал с таким жаром, будто перед ним стояла гвардия самого Потёмкина.

— Левой! Левой! Куда прёшь, старый хрен? — кричал он седоусому капралу, который бодро маршировал в противоположную сторону. — Максимыч, я к тебе обращаюсь!

— Виноват, ваше высокоблагородие! — отвечал капрал, разворачиваясь. — Нога подвернулась!

— У тебя, Максимыч, нога каждый день подворачивается, — ворчал капитан. — Смотри, Пугачёв придёт — он тебе не ногу, голову подвернёт!

При упоминании Пугачёва солдаты крестились и становились чуть серьёзнее, но ненадолго. В крепости вообще мало кто верил, что бунт докатится до их глухомани. «Степь большая, — говорил Иван Кузьмич за ужином, — пока до нас доберутся, их сто раз переловят». Сергей слушал эти разговоры и мрачнел. Он-то знал, что будет иначе.

Поселили Сергея в крошечной каморке при комендантском доме — раньше там хранили муку и крупы, но после того, как амбар перестроили, помещение освободили. Каморка была мала: узкое оконце под самым потолком, дощатый стол, грубо сколоченный шкаф, сундук в углу и нары с сенником. Никакого сравнения с его однокомнатной квартирой в спальном районе, где были и горячая вода, и интернет, и мягкий диван. Но здесь, в этом убогом, по современным меркам, жилище, Сергей неожиданно почувствовал что-то похожее на уют. Может быть, потому что это был его собственный угол — первый за долгое время, где он мог побыть наедине с мыслями.

Он перенёс в каморку свои пожитки из XXI века: севший мобильник, связку ключей от несуществующей теперь или ещё квартиры, бумажник и отцовский подарок на выпускной — настоящий швейцарский хронометр, который он не решился при себе. Сложил всё это в сундук, накрыл чистой тряпицей и задвинул в самый дальний угол. Смотреть на эти вещи было горько — они напоминали о мире, в который он, возможно, никогда не вернётся.

Одежду ему выдали со склада — старый, но добротный кафтан, две рубахи, порты и сапоги. Всё это было велико, словно с чужого плеча, и болталось на нём, как на пугале. Сергей, никогда в жизни не державший иголки в руках (в его мире проще было купить новую вещь, чем чинить старую), попытался ушить кафтан самостоятельно. Результат вышел плачевный: шов пошёл волнами, ткань топорщилась, а на указательном пальце красовалась глубокая ранка от иглы.

Савельич, проходивший мимо с охапкой дров, остановился и долго смотрел на его мучения с выражением безглагольного изумления.

— Это что ж ты делаешь, парень? — спросил он наконец. — Кафтан-то казённый, а ты его портишь. Кто ж так иглу держит? Ты её как ложку в кулаке зажал!

Сергей покраснел.

— Я никогда не умел, Архип Савельич. Не учили.

— Не учили, — передразнил старик. — А чему вас только учили в твоих «издалека»? Книжки читать да языком молоть?

Он скинул дрова у жарко пылавшей печи, вырвал у Сергея кафтан, повертел в руках, покачал головой. Потом, ворча что-то про «белоручек» и «неумёх», уселся на лавку, достал откуда-то маленький кожаный футляр с иглами и нитками и принялся распарывать кривой шов. Движения его были точными, бережными, почти ласковыми — он расправил ткань на коленях, примерил, сколол булавками и начал шить мелкими, ровными стежками.

— Вот, гляди, — буркнул он, не поднимая глаз. — Учись, пока я жив. А то помру — кто тебя обшивать будет? Пётр Андреич, что ли? Он сам иглу в руки не возьмёт, барин, чай.

Сергей смотрел на склонённую седую голову, на узловатые пальцы, ловко управлявшиеся с иглой, и чувствовал, как к горлу подступает ком. В этом ворчливом старике было столько скрытой теплоты, что он невольно подумал о своём отце — тот тоже никогда не говорил ласковых слов, но всегда, всегда был рядом, когда нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.